

***РЫБАКОВ Сергей Владимирович**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 350 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и 4 учебных пособий**

О ДВУХ ПОДХОДАХ К ОСМЫСЛЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье раскрывается тема совершенствования теоретико-методологических подходов к изучению истории. По мнению автора, такому совершенствованию мог бы способствовать отказ от механического подчинения исторических исследований жестким доктринальным схемам. Как показывает и доказывает исследовательская практика, эти схемы не способны полностью охватить все многообразие, все стороны и нюансы реальной истории, полной противоречий и парадоксов. При этом автор не отрицает, что в подходах к познанию закономерностей исторического развития использование тех или иных теоретических наработок, методов, приемов может быть вполне уместным. Нужно только учитывать, что обращение к концептуально-теоретическим категориям не приносит реальной пользы, если они отделены от нравственно-этической проблематики или, хуже того, отрицают ее теоретическое и практическое значение. История является смысловым полем, где люди ищут средства для преодоления хаотических тенденций посредством проверенных многовековой практикой критериев. Среди этих критериев ведущая роль принадлежит нравственным нормам. Раскрытию обозначенных тезисов призвано послужить соотнесение двух подходов к осмыслению исторического процесса. Один из них представлен однолинейными, схематизированными интерпретациями истории, порожденными западноевропейской философской мыслью. Другой подход связан с пониманием истории, сложившимся на Руси под влиянием византийского православия. Он возник еще в те времена, когда было положено начало распространению книжной культуры, долго являлся традиционным для русской историософии, но в XX веке незаслуженно оказался в арьергарде научно-исследовательских поисков. Сегодня его «реабилитация» могла бы содействовать расширению методологических и концептуальных горизонтов отечественной исторической науки.

Ключевые слова: *теоретические модели истории, теоретико-методологические подходы к изучению истории, западная философия истории, традиционная русская историософия.*

*Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: istoric-ek@mail.ru.

Для цитирования: Рыбаков С.В. О двух подходах к осмыслению исторического процесса // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 1. С. 42–51. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.42

Вопрос о теоретико-методологическом совершенствовании отечественной исторической науки не теряет актуальности. За последние десятилетия на пути решения этого вопроса произошли позитивные сдвиги. В основной массе исследовательского сообщества закрепилось понимание того, что не следует трактовать методологическое обновление подходов к исторической науке слишком упрощенно – как механическую замену одних «руководящих» доктрин на другие, более «правильные», «передовые», «продвинутое». Если такая замена несет на себе хотя бы малейший отпечаток конъюнктурности или умозрительности, то сохраняется риск повторения одних и тех же методических и логических ошибок. Доктринальные схемы, как бы ново и оригинально не выглядели внешне, не в состоянии охватить и объяснить все многообразие исторического бытия. Всякая схема истории беднее, чем сама история.

Понятно, что не существует никаких особенных противопоказаний для создания теоретических моделей истории. В процессе исторического познания трудно обойтись без каких-либо теоретических построений. Но они способны приносить реальную пользу только при условии их соединения с ценностными ориентирами, с живым практическим опытом. Следует помнить, что история – это смысловое поле, на котором люди ищут средства для преодоления хаотических тенденций с помощью критериев, проверенных многовековой практикой.

Среди этих критериев особое место занимают нравственные и этические нормы, именно они находятся в основе традиционной русской историософии. Сегодня многие российские исследователи согласны с тем, что полноценное изучение истории невозможно без обращения к традициям национальной философской и исторической мысли. Об этом, к примеру, свидетельствуют основательные труды А.В. Гулыги [1], А.Ф. Замалеева [2], В.В. Кожина [3], В.В. Колесова [4], Н.А. Нарочницкой [5], С.В. Перевезенцева [6], Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской [7].

В то же время реальностью нынешней российской исторической науки является присутствие в ней немало числа западных историко-философских постулатов. Это обусловлено инерционным влиянием системы гуманитарного образования, доминировавшей в советских школах и вузах в XX веке. Один из недостатков этой системы проявлялся в ее отрыве от русской историософской традиции, что затрудняло полноценное приобщение школьников и студентов к историческим знаниям, закрывало возможность сопоставлять, сравнивать различные типы исторического мышления.

Нынешнее российское общество вступило в фазу обретения полноценной социокультурной идентичности, поэтому его потребность в улучшении качества исторических знаний значительно повышается. Уроки многовековой отечественной истории должны стать всеобщим достоянием российского общества, было бы немалой ошибкой отречься от них. Как писал известный русский ученый П.А. Флоренский, «отречься от своего – в большинстве случаев лишиться исторических корней и если не прямо погибнуть, то, во всяком случае, подвергнуть себя огромному риску» [8, с. 541].

На Руси начало осмыслению истории было положено вскоре после появления письменной культуры. В XI веке киевский митрополит Иларион написал высокохудожественное «Слово о законе и благодати», посвященное месту и роли русского народа в мировой истории. Иларионовскую традицию продолжил монах Киево-Печерской лавры Нестор, автор знаменитой «Повести временных лет».

Постижение исторических закономерностей древнерусскими мудрецами опиралось на определенные принципы, среди которых выделялись: особое внимание к нравственно-этическим факторам, признание бытийного многообразия, уважение духовной свободы человека, неприятие слепого фатализма, унифицирующих шаблонов и малосодержательного начетничества.

Эти принципы стали фундаментом формирования цельной системы исторических идей и взглядов. Она существовала на Руси в течение

столетий, впитывая в себя импульсы реальной действительности, развиваясь, встречая противоречия и преодолевая их. Эти идеи и взгляды нашли отражение в исторических трудах М.В. Ломоносова [9], В.Н. Татищева [10], И.Н. Болтина [11], А.С. Лаппо-Данилевского [12], Г.В. Вернадского [13] и других ученых. Хотя русская историософия не отображалась в виде строго заданных формул, она являлась осязаемой реальностью, и сегодня ее изучение способно принести немало интересных открытий.

Одной из существенных особенностей русской историософской мысли может быть названо отсутствие в ней склонности к выстраиванию жестких конструкций исторического процесса. Сегодня эта ее особенность создает контраст с социологическим детерминизмом, сохранившимся в части нашей исторической науки вследствие инерции, оставшейся от времени господства формационной теории, которая помещала ход истории в узкое ложе схематизма, близкого к фатальной предопределенности. Схематизм отрицал свободу человеческого выбора и наличие внутренних закономерностей духовной жизни. Так, в 20–30-е годы XX века в официальном советском обществоведении утвердилась формула, согласно которой человеческое сознание «изменить направление хода развития общественной жизни не может»¹. Традиционная русская историософия подобный взгляд на взаимоотношения между сознанием и материей считала слишком упрощенным.

Другим моментом, отделяющим русскую историософию от социологического детерминизма, является ее чуткое и внимательное отношение к понятию «традиция». В противоположность такому отношению приверженцы схематических подходов к истории принижают значение исторических традиций, а нередко и отбрасывают их, выступая с позиций бескомпромиссного антитрадиционализма. В их интерпретации любая заявка на поддержание

или возрождение традиций отождествляется с регрессом: «Традиция – это великий тормоз, это сила инерции в истории; но она только пассивна и потому неизбежно оказывается сломленной»².

Подобный взгляд на природу традиции характерен для большинства теоретических моделей западного происхождения. В их параметрах слово «традиция» отождествляется с некоей формальной, статичной, устаревшей истиной. Но традиции – это отнюдь не мертвая статика. В практике каждой эпохи они проявляются по-своему, находя для своего самовыражения специфические пути и средства. Присутствуя в историческом бытии, традиции наглядно проявляются в сохранении культурно-исторической идентичности и самостоятельности той или иной страны, того или иного народа. Для исследователей, стремящихся погрузиться в глубинные смыслы исторического процесса, тема традиций обретает важность потому, что она связана с накопленным за века богатством исторической и философской мысли.

Традиции выражают связь между поколениями, т. е. те нормы и особенности, которые присущи сознанию людей, принадлежащих к одной цивилизационной, этно- и социокультурной общности. Проверенная временем традиция не навязывает формальных истин, но раскрывает при этом внутреннюю достоверность тех или иных ментальных ценностей, обеспечивает устойчивость культуры, противостоит хаосу в умах и душах людей. Устойчивость не отождествляется с архаичностью. Традиция – это вовсе не архаика, ибо ее главное назначение сводится не к консервации прошлого, а к обеспечению единства между прошлым, настоящим и будущим. Нобелевский лауреат А.И. Солженицын писал, что «органическая связь с корнями и традицией никак не должна отрывать от ориентации на интенсивную современность, не должна уводить к хороводам

¹Малая советская энциклопедия: в 10 т. М., 1930. Т. 8. С. 158.

²Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1962. Т. 22. С. 318–319.

и гусярам»³. Традиция – не узкий бытовой этнографизм, не набор экзотических, исполняемых «под старину» ритуалов, а способ вхождения в историю как в непрерывный поток живого, многообразного человеческого опыта.

Традиция, помимо прочего, выполняет функцию определенной познавательной установки, благодаря которой народ, национальная культура, та или иная цивилизация остаются собой, несмотря на изменения, претерпеваемые ими во времени. Утрата традиции означает исчезновение народа, культуры, цивилизации.

Основной мотив в каждой национальной историко-мыслительной традиции связан с исторической рефлексией, самопознанием, осмыслением этносоциального «я», поиском непротиворечивой идентичности. Важным сегментом исторической науки, обращаясь непосредственно к историко-мыслительной традиции, является история научно-философской мысли, или история интеллектуального развития общества.

Обращение к интеллектуальной истории показывает: существуют различные парадигмы осмысления истории. Западная историко-философская парадигма во многом расходится с русской корневой традицией, поскольку западные историки являются носителями эндогенных ментальных установок, выработанных в конкретных культурно-исторических обстоятельствах, отличавшихся от условий, в которых формировалась российская цивилизация. Неудивительно, что попытки применить к российским реалиям теоретические модели, более или менее удовлетворительно объясняющие ход развития западных социумов, очень часто заканчивались неудачей. С этой позиции ясна и понятна мысль, высказанная Н.В. Гоголем в «Письме близорукому приятелю»: «Стыдно, будучи умным человеком, не войти в собственный свой ум, который мог бы самобытно

развиться, захламопив его чужеземным навозом»⁴.

Согласно корневым представлениям русской историософской мысли, в реальной истории нет универсальных закономерностей, понимаемых как автоматическое, независимое от воли людей повторение сходных, однотипных событий и фактов. Русская историософия отвергла автоматизм исторических процессов, основываясь на том, что в центре их находится свободный нравственный выбор людей. Русский историк-эмигрант Н.И. Ульянов решительно отрицал повторяемость в истории, а выражение «история повторяется» называл «безответственным». Он утверждал: «Историческое есть качественно единственное. Это главное, что надо знать об истории. “Обобщения” – один из приемов искажения истории»⁵.

Против шаблонных трактовок истории выступал другой русский эмигрант – историк и философ И.А. Ильин. Он был убежден в том, что история – это пространство свободного творчества людей и народов, она не терпит формализма и пустого морализаторства. Ильин подчеркивал, что, впитав в себя «идею созерцательной любви и свободной предметности», русская цивилизация «не судит и не осуждает инородные культуры. Она только не предпочитает их и не вменяет себе в закон»⁶.

Еще один историк и философ Г.В. Флоровский в утверждениях о наличии в истории «универсальных закономерностей» видел прямолинейно заявляемый тезис о наличии в истории некоего заранее заданного сценария. По мнению русского мыслителя, этот тезис начал недоверие к творческим возможностям людей и общества. Флоровский считал, что такой подход порождает «манию подчиненности» абстрактным законам истории, когда люди «не решаются быть самими собою и непременно хотят жить для чего-нибудь, чему-нибудь

³Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С. 177.

⁴Гоголь Н.В. Письмо близорукому приятелю // Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992. С. 192.

⁵Филонова Л.Г. Николай Иванович Ульянов // Русские философы: Антология. М., 1996. Вып. 3. С. 7.

⁶Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Сочинения: в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 426.

служить, во что-нибудь беспрекословно верить»⁷.

Детерминизм не является строгой научной категорией, представляя собой продукт западной религиозно-богословской традиции. Некритично заимствованный, узко трактуемый детерминизм на российской почве принес немало вреда и во времена «красного террора», и во времена «шоковой терапии», когда логика действий опиралась на постулаты о первичности экономики над моралью и активной роли универсальных законов истории. Радикалы и от большевизма, и от либерализма вели себя как люди, «посвященные в тайны истории», относя своих критиков к «ретроградам», неспособным отречься от традиций прошлого.

А.И. Солженицын, критикуя копирование отечественными радикалами западных форм жизнеустройства, подчеркивал: «Уклад чужой жизни невозможно скопировать, не перерождаясь болезненно; он должен органически вытекать из традиций страны»⁸. По убеждению писателя, ранний большевизм и радикальный либерализм начала 1990-х годов – явления одного порядка: оба течения включали в себя «фанатиков, влекомых только своей призрачной идеей, не ведающих государственной ответственности, уверенно берущихся за скальпель и многократно кромсающих тело России»⁹. Исторические уроки радикальных экспериментов в России сводятся к выводу о том, что подчинение морально-этических норм детерминистским «всеобщим закономерностям» неизбежно ведет к политическим, экономическим и культурным провалам.

Изучение отечественной истории должно быть ориентировано не на доказательство правильности тех или иных теоретических моделей, а на освоение огромного практического и духовного опыта, накопленного страной и народом

с древности до наших дней. В центр внимания исследователей правильнее ставить не умозрительные шаблоны, а живой пульс реальной истории.

Говоря о коренных русских традициях осмысления истории, было бы целесообразно упомянуть среди них такие, как объективность, отсутствие предвзятости, этническая, религиозная, культурная терпимость, доброжелательный интерес к другим культурам. Традиции этнической и вероисповедной терпимости были присущи русской культуре издревле. Они наглядно отражены в «хождениях» – популярных в средневековой Руси повествованиях, содержащих впечатления русских путешественников об окружающем мире, нравах и обычаях тех народов, среди которых им приходилось бывать. К примеру, написанное в XV веке тверским купцом Афанасием Никитиным «Хождение за три моря» содержит рассказ о его странствиях на Востоке, во время которых ему пришлось пережить различные невзгоды. При этом Афанасий не высказал к окружавшим его на чужбине мусульманам и индусам никакой вражды, описав их доброжелательно и с симпатией¹⁰. Отсутствие ксенофобии всегда было характерной чертой русских людей.

А вот сочинения западноевропейцев о чужих для них странах, в т. ч. и о России, часто отличались негативной и недружелюбной тональностью. Русский ученый Н.Я. Данилевский констатировал, что Европа не знает Россию, «потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знает хочет, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению»¹¹.

В созданной им теории культурно-исторических типов Данилевский показал различия между российской и западноевропейской цивилизациями, проанализировал предпосылки

⁷Флоровский Г.В. Смысл истории и смысл жизни // Русские философы: Антология. Вып. 3. С. 208.

⁸Солженицын А.И. Указ. соч. С. 20.

⁹Там же. С. 26.

¹⁰Хождение за три моря Афанасия Никитина // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1986. С. 225, 228.

¹¹Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 50.

этих различий. Ученый обосновал «закон непередаваемости цивилизаций», сделал вывод о пределах прогресса и наличии его национальных форм, чем поставил под сомнение правомерность притязаний Западной Европы на монопольную роль в продвижении планетарного прогресса. По мысли Данилевского, характерными чертами романо-германского культурно-исторического типа являются «насилственность, нетерпимость, прозелитизм». Он подверг критике доктринерство и униформизм западной истории философии, констатировав невозможность создания универсальной для всех стран «общей теории устройства гражданских и политических обществ»¹².

Н.Я. Данилевский имел основания для неприятия западных однолинейно-рационалистических трактовок истории, послуживших фундаментом для целого ряда доктрин, в которых собственные ценности и приоритеты западного мира были возведены в статус общечеловеческих. Претензии Западной Европы на роль «авангарда» всего человечества часто проявлялись в виде вражды к народам и культурам, не похожим на западноевропейские. Эта вражда касалась и русских.

В некоторых сочинениях иностранцев о России вызванные враждой к ней искажения превращались в карикатуру, гротеск. Иллюстрацией крайнего субъективизма явилась книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Краткое пребывание среди русских де Кюстин использовал для того, чтобы изобразить их в самом негативном свете: «Жители, явившиеся сюда из Азии, чтобы запереться, как в тюрьме, в северных льдах»¹³; «Нравы русских жестоки и еще долго останутся жестокими. Ведь немногим больше ста лет тому назад они были насто-

ящими татарами»¹⁴; «Эти люди потеряны для первобытного состояния и непригодны для цивилизации»¹⁵. За злопыхательской демагогией французского маркиза скрывался банальный шовинизм, открыто проявившийся в его заявлении о населении России как о «шестидесяти миллионах полулюдей»¹⁶.

В России книга А. де Кюстина вызвала понятное возмущение. Предвзятость к русским со стороны западноевропейцев у многих представителей российской культуры вызвала горькое недоумение. Философ и историк А.С. Хомяков отмечал: «В Европе стали много говорить и писать о России. <...> И сколько во всем этом вздора, сколько невежества! Какая путаница в понятиях и даже в словах, какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба! Поневоле родится чувство досады, поневоле спрашиваешь: на чем основана такая злость, чем мы ее заслужили? <...> В нас живет желание человеческого сочувствия; в нас всегда говорит теплое участие к судьбе нашей иноземной братии... И на это сочувствие, и на это дружеское стремление мы никогда не находим ответа: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и беспристрастия. Всегда один отзыв – насмешка и ругательство; всегда одно чувство – смешение страха с презрением. Не того желал бы человек от человека»¹⁷.

В глазах русских людей, с пиететом относившихся к идеям Просвещения, нетерпимость и ксенофобия де Кюстина выглядели по меньшей мере иррациональными. Но де Кюстин был далеко не одинок в своем пренебрежении к народам, не относящимся к западной цивилизации. Подобное пренебрежение высказывал и такой известный адепт философского рационализма, как Г.В.Ф. Гегель, о котором О. Шпенглер,

¹²Данилевский Н.Я. Указ соч. С. 159.

¹³Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 133.

¹⁴Там же. С. 182.

¹⁵Там же. С. 92.

¹⁶Там же. С. 72.

¹⁷Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: хрест. по ист. рос. обществ. мысли XIX и XX веков: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 70.

автор историко-концептуального труда «Закат Европы», писал: «Гегель с полной наивностью заявил, что он намерен игнорировать те народы, которые не укладываются в его систему истории»¹⁸.

Критика гегелевской историко-философской системы, несмотря на такое ее общепризнанное достоинство, как диалектичность, имела достаточные основания со стороны Шпенглера: Гегель открыто противопоставил германцев другим народам, по сути дела, разделив население Земли на «полноценных» и «неполноценных». Он воспевал «германский дух» как «дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины»¹⁹, тем самым придав абсолютной истине национально-этнический характер. Гегель выражал сильную неприязнь к восточно-христианскому миру, давал пренебрежительные оценки славянству, отказавшись рассматривать его в качестве «самостоятельного момента в ряду обнаружений разума в мире»²⁰.

Гегелевский «дух истории» не был связан с нравственным выбором людей, оказавшись, по сути, автономным от людских усилий. Гегель придал «духу истории» способность к произвольному определению логики исторического движения («Право мирового духа выше всех частных прав»²¹), и этим «правом» человечеству диктуются условия существования. Немецкий философ оправдывал проявления аморализма в истории: «Всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приурочена мораль, чем <...> совесть индивидуумов»²². Исторических деятелей, которые, по представлению Гегеля, могли бы претендовать на роль проводников «воли

мирового духа», он «освободил» от этических обязательств: «Всемирно-исторической личности не свойственна трезвенность, выражающаяся в желании того и другого; она не принимает многого в расчет, но всецело отдается одной цели. <...>Такая великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути»²³.

Гегелевская философия, поддержанная правящими верхами Пруссии, обосновалась в стенах германских университетов и гимназий. В умы немецкой молодежи внедрялось представление об истории как о бескомпромиссной, не знающей жалости борьбе между разными странами и народами. Гегельянство бросало тень на гуманистические идеи, питавшие творчество таких титанов духа, как И.С. Бах, Л. ван Бетховен, И.В. Гете, Ф. Шиллер, братья Гумбольдт, братья Гримм.

Отделив историю от нравственно-этических факторов, Гегель сильно повлиял на вектор дальнейшего движения западной философии. Несмотря на то, что часть ее в лице И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга, О. Шпенглера, В. Шубарта не отказалась от использования понятия «нравственный императив», общий контекст развертывания философской мысли на Западе характеризовался падением интереса к нравственно-этической проблематике, нередко переходящего в пренебрежение к нравственности. По словам И.А. Ильина, после Гегеля западные философские учения «были быстро извращены в сторону прямого нигилизма», стали выражением «засилья материи и бессилия духа»²⁴. Ильин характеризовал взгляды немецких философов, следовавших за гегельянством, как «новое протестантское

¹⁸Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 20.

¹⁹Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 13 т. М.; Л., 1935. Т. 8. С. 323.

²⁰Там же. С. 330.

²¹Там же. С. 36.

²²Там же. С. 64.

²³Там же. С. 31.

²⁴Ильин И.А. Указ. соч. С. 82–83.

богословие», заставляющее человека «отвергать душу, считать себя существом материальным и жить суевериями»²⁵.

Вслед за Гегелем о вторичности морали и нравственности относительно социально-экономических условий общественной жизни заявили К. Маркс и Ф. Энгельс. В своих рассуждениях о «передовых» и «отсталых» народах они апеллировали к гегелевской философии истории: «...дело не обошлось без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается»²⁶.

Теоретические построения Маркса и Энгельса содержали тезис о безусловной детерминированности исторического процесса, представленного ими как строго заданное, однолинейное движение, как непрерывный поступательный прогресс. Прогресс они трактовали с европоцентристских позиций, выстраивая своеобразную иерархию народов и противопоставляя «цивилизованный Запад варварскому Востоку». Маркс и Энгельс говорили о «резко различающихся ступенях цивилизации и об обусловленности этим различных политических потребностей отдельных народов»²⁷.

Теоретики коммунистического учения видели только положительный смысл в завоевательных войнах, которые вели «передовые» страны против «отсталых» – к примеру, США против Мексики: «И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев?»²⁸ Они оправдывали также завоевание германцами славянских земель, проводимое, по их логике, «исключительно в интересах цивилизации»²⁹. Их враждебное отношение

к славянам выразилось в лозунге: «Борьба, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, борьба за уничтожение и беспощадный терроризм»³⁰. С особой непримиримостью Маркс и Энгельс относились к России. Слова русского революционера М.А. Бакунина об «идеале братства между народами» нашли у них такой отклик: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью»³¹.

В западной философии истории проявилась склонность к абсолютизации понятия «прогресс». На почве детерминизма выросло отношение к прогрессу как к религиозному символу, фетишу. Был поставлен знак тождества между понятиями «прогресс» и «история», при этом оценка прогрессивности разных народов давалась с точки зрения западных интересов: Западная Европа, а позднее США объявлялись «авангардом прогресса», а все иные, не относящиеся к Западу цивилизации попадали в разряд либо «догоняющих», либо «отсталых». В интерпретации западной философии прогресс приобрел вид детерминированной механической однолинейности, не связанной со свободным нравственным выбором людей и означающей перманентное преодоление прошлого, жесткое противостояние между новациями и традициями. Порожденные западной философской мыслью однолинейные модели истории отмечены печатью частичности, неспособности вместить весь всемирно-исторический опыт; в них скрыто или явно содержится идея однополярного мира.

²⁵Ильин И.А. Указ. соч. С. 192–193.

²⁶Маркс К., Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1957. Т. 6. С. 298.

²⁷Там же. С. 290–291.

²⁸Там же. С. 292.

²⁹Там же.

³⁰Там же. С. 306.

³¹Там же. С. 305–306.

Русская историософия не отвергает идею прогресса, но при этом делает упор на то, что его нельзя отрывать от духовной культуры. Такой отрыв может грозить негативным отношением к истории, равнодушием к ее человеческому измерению, обезличиванием самого понятия «история». Отечественным мыслителям всегда было понятно, что идея прогресса, понятая как развитие, совершенствование, вера в лучшие перспективы, имеет большую притягательность для человеческого сознания. Нелепо отвергать новаторство в устройении человеческой жизни, улучшении ее форм за счет достижений науки и техники. Однако новаторство не должно получать механического доминирования над самой человеческой жизнью, ущемлять общественную нравственность. Новизна приобретает ценность, вызревая в прошлом, вбирая его качественные характеристики, отражая историческую преемственность.

Прогресс не подчинен одному-единственному шаблону, он может иметь различные национальные формы, и его пути могут быть многообразными. Признавая религиозное, культурное, ментальное, социальное многообразие человечества, русская историософия со спокойным пониманием относится к мысли о единстве

мировой истории, понимая это единство как взаимодействие между народами и цивилизациями, полезное для всех и направленное на всеобщее благо. С этих позиций не менее актуальной, чем поиск всеобщих закономерностей истории, является расшифровка социокультурных архетипов, определяющих бытие и воспроизводство цивилизационных сообществ, их своеобразие и отличие друг от друга.

Весь опыт человечества свидетельствует, что любые тенденции общественной жизни содержат в себе заряд многовариантности и альтернативности. Нынешний этап мировой истории не является исключением. Для подавляющего большинства населения земного шара историософская проблема становится проблемой сохранения многообразия человеческих практик, защиты духовной свободы, самобытных культур, моральных ценностей, права на историческое существование. Цивилизационное многообразие – это всеобщее богатство, оно должно быть сохранено на благо всех земель. С этих позиций задачей нынешнего этапа исторической науки является полновесное и качественное освоение концептуального опыта традиционной русской историософии.

Список литературы

1. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. 310 с.
2. Замалеев А.Ф. Идеи и направления отечественного любомудрия. СПб., 2003. 212 с.
3. Кожин В.В. История Руси и русского слова. М., 2001. 512 с.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. М., 2002. 512 с.
5. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. 536 с.
6. Перевезенцев С.В. Смысл русской истории. М., 2004. 496 с.
7. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997. 328 с.
8. Флоренский П.А. Записка о православии // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 537–546.
9. Ломоносов М.В. О сохранении русского народа. М., 2011. 848 с.
10. Татищев В.Н. История Российская: в 3 т. М., 2003.
11. Болтин И.Н. Ответ на письмо князя Щербатова. СПб., 1789. 181 с.
12. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. 293 с.
13. Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. 544 с.

References

1. Gulyga A.V. *Russkaya ideya i ee tvortsy* [The Russian Idea and Its Creators]. Moscow, 1995. 310 p.
2. Zamaleev A.F. *Idei i napravleniya otechestvennogo lyubomudriya* [The Ideas and the Direction of National Wisdom]. St. Petersburg, 2003. 212 p.
3. Kozhinov V.V. *Istoriya Rusi i russkogo slova* [The History of Rus' and of the Russian Word]. Moscow, 2001. 512 p.
4. Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian Word]. Moscow, 2002. 512 p.
5. Narochnitskaya N.A. *Rossiya i russkie v mirovoy istorii* [Russia and Russians in World History]. Moscow, 2003. 536 p.
6. Perevezentsev S.V. *Smysl russkoy istorii* [The Meaning of Russian History]. Moscow, 2004. 496 p.
7. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. *Russkaya filosofiya istorii* [Russian Philosophy of History]. Moscow, 1997. 328 p.
8. Florenskiy P.A. *Zapiska o pravoslavii* [Notes on Orthodoxy]. Florenskiy P.A. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: In 4 Vols.]. Moscow, 1996. Vol. 2, pp. 537–546.
9. Lomonosov M.V. *O sokhranении russkogo naroda* [On the Preservation of the Russian People]. Moscow, 2011. 848 p.
10. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiyskaya: v 3 t.* [Russian History: In 3 Vols.]. Moscow, 2003.
11. Boltin I.N. *Otvet na pis'mo knyazya Shcherbatova* [A Reply to the Letter of Prince Shcherbatov]. St. Petersburg, 1789. 181 p.
12. Lappo-Danilevskiy A.S. *Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli i kul'tury XVII–XVIII vv.* [The History of Russian Social Thought and Culture of the 17th and 18th Centuries]. Moscow, 1990. 293 p.
13. Vernadskiy G.V. *Russkaya istoriya* [Russian History]. Moscow, 1997. 544 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.42

Sergey V. Rybakov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
ul. Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation;
e-mail: istoric-ek@mail.ru

TWO APPROACHES TO UNDERSTANDING THE HISTORICAL PROCESS

The article discusses the improvement of theoretical and methodological approaches to studying history. According to the author, such an improvement could be facilitated by leaving out rigid doctrinal schemes. Both research and practice proves these schemes to be unable to cover half of all the diversity, all the sides and nuances of real history, full of contradictions and paradoxes. However, the author admits that certain theoretical groundwork, methods and techniques can be rightly used in the approaches to understanding historical development patterns. One need only consider that conceptual and theoretical categories are inefficient if they are separated from the moral and ethical issues, or worse, deny its theoretical and practical significance. History is a semantic field where people search for the means to overcome chaotic trends using criteria tested by the centuries-old practice. Among these criteria, the leading role is played by moral norms. The author provides insights into the above points by comparing two approaches to the understanding of the historical process. One of them is represented by unilinear, schematized interpretations of history generated by the Western philosophical thought. The second approach is based on the understanding of history that was formed in Russia under the influence of Byzantine Orthodoxy. It had long been traditional for Russian philosophy of history, but in the 20th century was unfairly forgotten by researchers. Today, its rehabilitation could help expand methodological and conceptual horizons of Russian historical science.

Keywords: *theoretical models of history, theoretical and methodological approaches to studying history, Western philosophy of history, traditional Russian philosophy of history.*

Поступила: 13.08.2016
Received: 13 August 2016

For citation: Rybakov S.V. Two Approaches to Understanding the Historical Process. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 1, pp. 42–51. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.42